

Прости и прощай

Маркус Агирре

И вот наступило время уезжать. Впереди предстоял многочасовой перелет в самое сердце Африканского континента, в Найроби. Оттуда он поедет в какой-то заповедник, где начнется его эксперимент. Потому что фильмы и книги не помогли ему понять всю иерархическую лестницу этого вида животных. К тому же в монастыре не было никого, кто мог бы что-то ему подсказать. Не было такого же монстра. У многих звериные облики были благородными, кто-то просто смирился, но гиена... она совершенно не складное животное. И у гиен самцы не имеют ни на что права. Даже альфа-самец, самый сильный среди самцов, будет стоять после самой глупой и трусливой самкой. Маркус не хотел мириться с этим. И ему было страшно.

Он боялся, что может там погибнуть, что не успеет попрощаться с сестрой, ее мужем и малышкой Кимико. Хотя он не был уверен, что они что-то потеряют, если он не простится с ними.

Он подошел к дому и робко постучался в дверь.

Тору Мотидзуки

Время его очередного небольшого отпуска подходило к концу. В активе было празднование Рождества совместно с другими обитателями монастыря и много других приятных вещей, и благодаря этому Тору чувствовал в себе силы снова с головой погрузиться в работу. Впереди его ждало много долгих трудовых дней и бессонных ночей за написанием статей, но он ни о чем не жалел, радуясь тому, что смог провести пару недель со своей семьей.

Этот день мало чем отличался от других ему подобных. С утра он ходил на тренировку, а вернувшись, начал развлекать Кимико, пока Яреци с чем-то хлопотала на кухне. На его счастье жена не нашла испорченную машинку и подаренный дочке игрушечный мечик, так что в этот их приезд обошлось без серьезных споров, и этот один из последних дней до их отъезда из монастыря проходил в полной семейной гармонии.

Неожиданный стук в дверь, отвлек Тору от попытки отнять у Кимико карандаш, используемый не по назначению, и он, пригрозив дочери пальцем, отправился встречать гостя, который, уже не в первый раз оказался двоюродным братом его жены.

- Хочешь с Яреци поговорить? - уточнил Тору, понимая, что Маркуса сюда привело отнюдь не желание насладиться общением с его персоной. - Проходи. Она скоро освободится.

Он отошел, чтобы впустить парня и жестом показал тому следовать в гостиную. По его мнению, Маркус как-то зачастил к ним в гости, но решил оставить разбираться с этим Яри по праву родственницы.

Маркус Агирре

Дверь снова открыл муж сестры, и Маркус тяжело вздохнул. Он не хотел отвлекать этого человека от дел, возможно он его еще боялся, но сейчас отступить было поздно. Поэтому он просто поклонился и робко переступил порог этого дома. Наверное, все это было неправильно, и ему надо было просто сидеть в комнате и готовиться к отъезду. Зачем их отвлекать? У них все хорошо, они счастливы, они есть друг у друга, у них есть дочь. Он не нужен им. Он для них является посторонним человеком. Гиеной.

Он болезненно поморщился и скинул обувь. Поставил аккуратно в сторонке, заметил, что никогда этого не делал, потому что ему раньше было на все плевать. А сейчас что-то изменилось. Сейчас было страшно.

- Я... - он достал из кармана толстовки коробочку нуги с орехами, которую нашел выполняя задание по ментальной магии, и протянул ее мужчине. - Я хотел поздравить вас с Рождеством, хоть это уже немного не актуально. И... я так понимаю, Кимико вам принесла вареники с шарфиком из мешка Санты?

Голос был тусклый, безэмоциональный. Он подумал, что зря снял обувь. Он снова вздохнул.

- И... я пришел попрощаться. Я уезжаю завтра рано утром. Я не думаю, что вернусь сюда когда-нибудь. - Голос дрогнул, и он опустил голову.

Интересно, почему он пришел к Яреци и ее мужу? Да потому, что больше пойти было не к кому, а ему было страшно просто переступить порог монастыря, не говоря уже о том, чтобы сесть в самолет. Ему не нужна была жалость, ему просто... нужно было что-то. Внимание? Участие? Просто услышать голос, запомнить голоса людей. Чтобы там было не так страшно... и не одиноко...

Тору Мотидзуки

Желание Маркуса подарить ему подарок, причем достаточно странный, заставило правую бровь Тору, обычно хорошо контролирующего свою мимику, дернуться вверх. Он совершенно не понимал двоюродного брата Яреци, и чем чаще с ним пересекался тем сильнее запутывался в его противоречивой натуре. И радоваться здесь можно было только одному моменту - лично ему не требовалось копаться у парня в голове или пытаться оказать какую-нибудь моральную поддержку.

- Да, Кимико притащила вареники, а еще какие-то сладости. Она неплохо провела время на празднике. Кстати, спасибо, что тогда за ней присматривал.

Благодаря помощи Джуна и Маркуса им с Яреци удалось какое-то время провести вдвоем, не отвлекаясь каждую минуту на шалости дочери, так что Тору считал нужным высказать слова благодарности.

- Прощаться? Ты решил вернуться в Испанию? - Не то, чтобы ему было так интересно, но желание Маркуса покинуть монастырь показалось ему немного странным. Тот вроде как до сих пор не примирился со своей звериной сущностью и, по мнению Тору, ему не следовало куда-то уезжать, не разобравшись с этим

вопросом.

Яреци Фернандез

До возвращения домой осталось не так много времени, но девушке совершенно не хотелось покидать это удивительное место, так как здесь она смогла обрести что-то ценное. Здесь она нашла любовь, друзей, просто равнодушных людей, которые могли помочь и просто поговорить. Но она старалась не отвлекать людей напрасно, проводя большую часть времени с Кимико и уделяя много времени Тору, но иногда она радовалась, когда на горизонте появлялось что-то другое. Вот как в этот раз. Рождество по канонам католичества, пусть и несколько другое, но не менее весёлое, помощь Маркуса в сидении с Кимико, пока она с Тору пила глинтвейн. От брата она такого не ожидала, но на следующее утро хотела поблагодарить его. Однако не смогла его найти. А потом как-то закрутилось и завертелось.

И вот сейчас она готовила обед, оставив заботу о Кимико на Тору. У нее жарилось мясо, поэтому она не услышала робкий стук в дверь, но голоса её привлекли. Уменьшив огонь, она вышла в коридор и увидела Тору и какого-то потерянного брата. Что-то в нём её насторожило, и она покачала головой.

- Здравствуй, Маркус. Спасибо тебе за то, что посидел с Кимико. Ты нас очень выручил, - сказала она, думая, стоит ли его пригласить к столу или переложить решение на мужа.

Маркус Агирре

Он не ожидал, что его похвалят, и эти слова отдались какой-то тупой болью в сердце, а в груди появилось какое-то щемящее чувство. Он промычал что-то нечленораздельное и глубоко вздохнул.

- Я... уезжаю... нет, не в Испанию. Мне... предложили поехать в заповедник где-то в Африке, чтобы наблюдать за ними. Я... могу долго быть в облике, и я хочу пожить в стае, - ответил он после долгого молчания, тщательно обдумывая каждое слово. Он пытался себе это представить, но любое его представление заканчивалось растерзанным телом и противным лаем гиен. Он сглотнул и вздрогнул. Нужно просто принять это. По крайней мере, никто ничего не потеряет, если он погибнет. Но почему-то этот противный страх был намного сильнее здравого смысла, и он совершенно не представлял, что надо делать.

Только он хотел извиниться за вторжение, как из кухни вышла сестра, которая его поблагодарила. он склонил голову.

- Это... вам спасибо, что позволили мне побыть с ней. Я был уверен, что после всего что случилось вы и на пушечный выстрел не подпустите меня к ней. Она очень хорошая и смышлёная девочка, - его щёки покраснели, и он смущенно опустил голову. - Спасибо вам. Простите меня за вторжение.

Он снова надел ботинки и подошёл к двери. По крайней мере, он сделал то, за чем пришёл - отдал нугу и попрощался.

Тору Мотидзуки

Откровение Маркуса по поводу его поездки в Африку второй раз за десять минут выбило Тору из колеи. Мало кому удавалось так часто его удивлять, и он не был уверен, что хочет продолжать в том же духе.

- А ты не задумывался, что тебя там могут... например, сожрать? Или может произойти еще что-то малоприятное. Мне, конечно, без разницы, вот Яри искренне расстроится.

Словно собираясь проиллюстрировать его слова, из кухни вышла Яреци, тоже решившая поблагодарить Маркуса за помощь, но отреагировал на слова благодарности парень как-то совсем неадекватно, сразу засобиравшись уходить из дома, в который только пришел.

- Редко я встречал таких странных людей как ты. - Покачал головой Тору, наблюдая за сборами Маркуса. - Наговорил всякого, а теперь убегаешь. Кстати, Яри, ты слышала, что твой брат собрался в Африку гулять с гиенами?

Он не был уверен, что девушка разобрала слова парня, поскольку на кухне было достаточно шумно, поэтому решил сразу сконцентрировать на этом внимание, чтобы не оттягивать семейные разборки, которым все равно суждено было случиться в ближайшее время.

Яреци Фернандес

Маркус поблагодарил за то, что они позволили ему посидеть с Кимико, и из его уст это было слышать непривычно. Она вообще мало слышала хорошего из уст своего брата, но замечала, что последнее время он стал больше походить на человека. Правда, на какого-то слабого и испуганного человека. Она хотела чем-то помочь ему, но боялась теперь лезть в его душу. Потому что из-за него она поссорилась с Торой. Из-за него она могла лишиться этого счастья. Из-за него она поссорилась с лучшей подругой. Но ведь она действительно хотела ему помочь. И сейчас она совершенно не знала, что нужно делать. Ей казалось, что Маркус нуждается в тепле и заботе, но боялась ему это предоставлять, считая, что заботиться о нём должен только его отец, а дарить тепло... а вдруг он снова сделает что-то плохое? Ей, Торе или ещё кому-нибудь?

А вот то, что сказал Тору, ей совершенно не понравилось. Она на несколько секунд "зависла", ошарашенная услышанным, а потом подошла к брату и взяла его за руку. Развернула его к себе лицом и посмотрела в его глаза. Правда, потом отвернула голову.

- Зачем? Ты хочешь погибнуть? ты хочешь доставить своему отцу ещё проблемы? Ты... - она вздохнула и убрала свою руку с его руки. - Ты эгоист чёртов. Делай что хочешь! Зачем ты тогда пришёл сюда?

Она не кричала и не психовала. Ей просто в какой-то момент стало безразлично. Так однажды было и с Настей, когда она ей рассказала правду о Маркусе. Она покачала головой и вздохнула.

Маркус Агирре

- Я... - он осёкся и замер, не дотронувшись до ручки двери, чтобы просто покинуть этот дом. Он уже хотел было уйти, чтобы никогда больше не напоминать о себе. Яреци не будет страдать, если с ним что-то случится. Она его забудет, ведь они никогда толком не общались. И если бы не этот монстр, в которого он превращается, она бы сейчас жила прекрасной жизнью, радовалась и смеялась. Да, может быть они бы помнили о нём, но никому из-за его смерти не стало бы плохо. Кимико ещё маленькая, Маркус был уверен, что она не вспомнит его, а все остальные, с кем он пересекался... Он-то и сам тоже не помнит некоторых своих друзей, с которыми расстался по каким-то причинам.

Когда Яреци подошла к нему и развернула к себе, заглянув в его глаза, он приготовился к боли. Она проникнет в его сознание, разрушит его, узнает о его страхах. Но этого ничего не было, и она пробормотав что-то нечленораздельное, отвернулась и вернулась к мужу. Маркус нервно засмеялся.

- Отец? Отец мне это сам предложил. Сказал "езжай туда, у меня там друг работает, он поможет тебе", - нервно воскликнул он, вздрагивая. - Я... Если честно, я этого очень боюсь, но... я надеюсь, что... мне страшно. Очень страшно. Но... - Его голос снова дрогнул, и он взял себя в руки. - Простите, я веду себя как истеричка. Просто я не могу принять это чудовище. Я стараюсь охотиться, я стараюсь медитировать. Я пересмотрел много фильмов про этих созданий. Но... я не могу принять.

Он сильно сжал руку в кулак и зажмурился. На лбу выступил пот, а в горле запершило. Глаза защипало. Он понимал, что ведёт себя как истеричка, но ничего не мог поделать с собой. Всё это его выматывало и сильно пугало. Он ненавидел себя и иногда после охоты, становясь снова человеком, чувствовал острое желание умереть. Он хотел верить, что эта поездка не закончится для него плачевно, но не мог ничего поделать с этими странными мыслями.

Тору Мотидзуки

Яреци явно не была в восторге от новостей, пусть и говорила достаточно сдержанным тоном. И задавала вполне разумные вопросы, в ответ на которые получила что-то не слишком понятное и демонстрирующее наличие у Маркуса противоречивых чувств и эмоций, мало подходящих человеку, собирающемуся принимать важное решение, способное повлиять на это дальнейшую жизнь.

- Да води ты себя как угодно, - с нотками усталости в голосе произнес он. - Но лично я из твоих слов понял одно - ты сам еще толком не разобрался чего хочешь. Вот скажи, у тебя есть четкий план, что и как делать? Или ты собираешься прилететь в Африку, превратиться в гиену и начать бродить в поисках стаи. Что-то мне подсказывает, что ты не сможешь все время находиться в форме животного. А что ты там будешь делать, возвращаясь в человеческое обличье? Ловить местную заразу? Общаться с африканцами?

По мнению Тору, даже совершая импульсивные поступки, от которых не был застрахован и он сам, всегда стоило иметь сколько-нибудь рабочий план действий. А глядя на мальчишку, он очень сильно сомневался в способности того к созданию таких планов, если только участие в этом не принял его отец, который производил

впечатление практичного и методичного человека.

Яреци Фернандез

Девушка покачала головой и вздохнула. Потом прислушалась. Кимико что-то лепетала в своей комнате, значит либо катастрофа уже случилось и они найдут руины, или никакой катастрофы не было и дочка просто укачивает своего мишку. Или машинку. Поэтому можно не отвлекаться. К тому же Тору тоже не дал Маркусу уйти, заставив его задуматься. Она не знала, чем может помочь брату, так как не знала, что должен чувствовать человек, который превращается в такого опасного хищника. Это было не её дело, и она, снова покачал головой, вспомнила, что оставила мясо, которое может пригореть.

- Тору, сейчас будем кушать. А ты, - она посмотрела на брата и прикрыла глаза. - Перестань реветь и мой руки. Так уж и быть, мы тебя угостим.

Она поцеловала мужа и снова скрылась на кухне, где продолжила заниматься готовкой.

Маркус Агирре

Сестра ушла на кухню, сказав, что он может проследовать туда же. Короче, пригласила его за стол, но пока он двигаться не стал, считая, что Тору будет против его присутствия. Но наверное он хотел, чтобы хоть кто-то хоть немного уделил ему внимания. И пусть это вряд ли когда-нибудь случится, но он почувствует какую-то иллюзию, что у него есть семья и он кому-то нужен.

- Я... мне предложили просто понаблюдать за ними. Там сейчас опасная ситуация с браконьерами. Человек, который будет мне помогать, тоже знаком с магией... в общем это всё сложно. Но... отец знает о рисках, и я... наверное, мне нужно думать о чём-то хорошем, но... если нет его, этого хорошего? Пусть это будет карма, судьба, колесо Дхармы или Драхмы... я... постараюсь, чтобы всё закончилось хорошо. Это будет эксперимент. Но... мне страшно, - проговорил он, опустив голову.

Он пока ещё ничего не знал, но представлял себе, что подберётся близко к стае гиен, возможно его туда примут. В справочнике написано, что звери могут идти за ним, сделать его вожаком стаи. Вот только гиена - это совсем другое животное. Самец не может быть вожаком, а потому очень интересно посмотреть на то как это будет происходить. Интересно и страшно. А вдруг действительно он погибнет там? Вдруг действительно он больше не сможет увидеть своего старика? Может... просто плюнуть на всё, отказаться от этого и сидеть в комнате, совершая охоту где-то очень далеко или грабя ночами столовую. Ведь он и так несколько дней провёл в горах, превращаясь в гиену и больше времени проводя в теле этого монстра.

- Я не знаю, что мне делать. Совершенно не знаю, - он с мольбой в глазах посмотрел на Тору, как будто тот мог помочь ему чем-то. - Но... пожалуйста, присматривайте за моим стариком... он часто бывает в Пекине, Яреци знает его телефон. Пожалуйста... у него проблемы с сердцем... - снова голос дрогнул, а на глаза выступили слёзы. Он постыдно опустил голову и рукавом толстовки стёр слёзы с глаз.

Тору Мотидзуки

Яреци, сказав свое веское слово, ушла на кухню, а сам Тору кивнул, подтверждая, что не против гостя за их столом. Правда, он предпочел бы, чтобы мальчишка перестал разводить мокроту и, наконец, взял себя в руки, но это, похоже, было чем-то из разряда фантастики. И чем дальше, тем дело в этом плане становилось все хуже, поскольку все свои переживания Маркус додумался выплеснуть на его собственную ни в чем не повинную голову, вместо того, чтобы найти для этих целей кандидатуру получше.

- То ты говоришь, что уже есть договоренность, то жалуешься, что боишься задуманного эксперимента. Ты уж определись. Прими решение и следуй ему без сожалений. Ты же мужчина, а не маленький ребенок, так учись им быть.

Сам Тору никогда не испытывал подобных проблем, много раз принимая непростые решения и потом отвечая за их последствия, поэтому метания мальчишки казались ему чем-то непонятным и чуждым. И если тот планировал найти в его лице жилетку, в которую можно было поплакать, то сильно ошибся в своем выборе.

- Если волнуешься за отца, сам за ним и присматривай. Толку будет больше. - Тору прекрасно знал, как легко было упустить возможность наладить отношения с неуступчивым родителем. - А так, Яреци в любом случае будет с ним созваниваться. И кстати, по поводу Яри, я бы на твоём месте не стал её злить и пошел бы мыть руки.

На своём месте Тору тоже не планировал злить жену, так что первым подал Маркусу пример, что следует делать всем приличным мальчишкам, которые не хотят получить от хозяйки дома за остывшую еду.

Яреци Фернандез

Яреци разложила по тарелкам мясо и налила вкусный чай. Потом посмотрела на экран видео-няни, чем занята была малышка, убедилась, что ребенок привык к самостоятельности и сейчас что-то рисует на полу, и мысленно поблагодарила дядю за такой подарок. По крайней мере, не надо каждые десять минут смотреть, чем занимается дитя. А можно это время провести хорошо, с удовольствием. Вот как сейчас, например.

Когда муж и кузен пришли на кухню, девушка покачала головой, заметив, что Маркус какой-то странный. Она не хотела рассматривать его ауру, не хотела даже что-то о нем знать. Она просто решила накормить его обедом и попрощаться. И может быть она не будет о нем переживать.

- Я слышала, что ты говорил. Но ты ведь можешь отказаться от этого. Ты можешь просто поехать туда и понаблюдать за гиенами. Поучаствовать в сафари. Это же интересно должно быть. Необязательно же влезать в стаю... - Покачала она головой и посмотрела на брата. В её голосе была забота и сочувствие. - Да и к тому же... подумай о тех, кому ты дорог. Ведь есть же такие люди.

Про дядю она ничего не стала говорить, понимая, что все равно ничего не сможет сделать. Вполне возможно, что у дяди был какой-то план, чтобы Маркус смог

принять и познать своего зверя. А может быть, в поведении брата крылось что-то другое? Ему нужна была помощь и какая-то забота, но должна ли она ему помогать?

- Как бы там ни было, приятного аппетита. Ты когда уезжаешь? Может, тебе надо чем-то помочь? - Уточнила она.

Маркус Агирре

Может быть Тору был прав, и Маркус являлся тем самым обиженным мальчиком, который не хочет ничего делать и который обижается на то, что у него отняли конфетку, в данном случае - наследство. А может не в деньгах было дело, а в отсутствии человеческого тепла и заботы, которое необходимо любому человеку. У всех, кого он знал, забота и тепло присутствовали. У отца сейчас была Джулия, которая помогала ему, у Яреци был Тору, у Насти - ее семья и друзья. А он? Неужели это он один был виноват в том, что никому не нужен и является таким ничтожным человеком? Где он ошибся? Где и что он сделал не так?

Он сглотнул и мотнул головой, чтобы сосредоточиться на еде, поняв, что жует кусок мяса и не чувствует его вкус, а, самое главное, не помнит как этот кусок попал в его рот. А еще он понял, что добрую половину слов сестры он пропустил мимо ушей.

- Я... у меня самолет завтра вечером. Я рано утром покидаю монастырь, - тусклым голосом произнес он. - Я... никогда никого не ценил и не уважал, но сейчас... наверное, обо мне будет кто-то переживать. Я... кому-то нужен? - Спросил он, понимая, что, наверное, должен что-то делать, чтобы вернуться сюда.

Тору Мотидзуки

Яреци помимо того, что предложила им приступить к еде, начала, как он и предполагал, пытаться воззвать к разуму своего двоюродного брата. А если не получится, то к чувствам, напоминая ему о людях, которые будут страдать из-за его решения отправиться в Африку кому-нибудь на корм.

- Яри, он уже большой мальчик и если хочет подцепить какую-нибудь заразу или вернуться к отцу кучкой обглоданных костей - это его право. - Естественно Тору не стал упускать возможность высказаться. - Ведь это же по причине причине того, что он никому не нужен, мы тут с ним сейчас возимся.

Тору заглянул в свою тарелку, но есть пока не стал, решив договорить все, что просилось на язык. В словах он никогда не стеснялся и тактичностью мог похвастаться только по отношению к ограниченному кругу лиц, в который Маркус не входил ни при каком раскладе.

- Мне то что, я переживать не буду, а вот Яреци расстроится. А у меня нет ни малейшего желания смотреть, как жена ревет из-за своего глупого, но, для кого-то, вкусного брата. Так что ты уж разберись со своими страхами и желаниями и не рискуй без особого повода.

Тору понимал, что если Маркус говорит о конкретном рейсе, то точно покинет монастырь, и не собирался его отговаривать. Но он надеялся воззвать к благоразумию парня, чтобы потом действительно не успокаивать Яреци, сверх меры

переживающую за всех своих родственников.

Яреци Фернандез

Яреци тоже молчала, и на какое-то, не очень долгое время, на кухне повисло молчание, которое нельзя было назвать приятным. Эту гнетущую тишину она ненавидела, ведь за ней приходит что-то не очень хорошее, и девушка приготовилась к очередной буре, провокатором которой, по её мнению, мог быть Маркус. Потому что его слова о том, что он никому не нужен, заставили её насупиться и задохнуться от возмущения и сдержаться, чтобы не наговорить ему гадостей. А вот Тору не стал "остывать" и сказал ему всё, что думает по этому поводу.

- Это ты никому не нужен? Да это тебе никто никогда не был нужен, Маркус. Тебе не нужен был отец, тебе нужна была она только для того, чтобы вернуть себе деньги, которые тебе никогда не принадлежали. Она любила тебя, а ты... признайся, что ты никогда никого не любил, а сейчас, оставшись без всего, ты просто испугался, что останешься один. - Она перевела дух и отпила немного чаю. - Знаешь, я думаю, что мне действительно будет плевать на то, что с тобой там станет. Будет плевать на тебя так же, как тебе было плевать на них. На мою маму и твоего отца. Может быть тогда ты поймёшь ценность человеческой жизни и семьи.

Она снова перевела дух и посмотрела в окно. А потом посмотрела на мужа и вернула взгляд Маркусу.

- Если тебе действительно важно хоть что-то, то просто постарайся ни во что не вляпаться и вернуться. Ну или хотя бы принять своего зверя, - добавила она чуть мягче и обратила внимание на капли пота на лбу. Встала и подошла к нему, а потом, немного поколебавшись, прислонила ладонь к его лбу и покачала головой. - Ты не заболел? Тебе надо отправиться в лазарет, чтобы тебя подлечили. - Сказала она и вернулась на своё место. - У меня есть корень имбиря, ты можешь себе заварить его и выпить на ночь, он хорошо от температуры помогает.

Маркус Агирре

Где-то в глубине души Маркус понимал, что сжимается в маленький комочек от поливших на него слов, но внешне он оставался совершенно спокойным. Он тупо изучал тарелку и думал, зачем вообще пришёл сюда. Было бы проще, если бы он просто покинул монастырь, не сообщая никому. Возможно, в таком случае отец бы им ничего не говорил, если бы с ним что-то случилось. Потому что отец никогда никому не рассказывал про него, а Яреци никогда и не спрашивала. Наверное, так было бы проще.

Но было так, как сейчас происходило. Он совершенно не знал, что говорить, любое слово застревало где-то в горле, и он поднял голову только тогда, когда к его лбу прислонилась тёплая и заботливая рука Яреци. Он сильно зажмурился и мотнул головой, отгоняя непрощенных призраков прошлого, которые как раз начали его пытаться некоторое время назад, когда его нашёл в домике Джун. Это прикосновение было так похоже на прикосновение тётки, когда-то давно.

- Я... не знаю, - неопределённо ответил он непонятно на что. - Но... я... простите

меня, пожалуйста. Мне... страшно... - прошептал он.

Надо было уйти, чтобы не нервировать их. Надо встать с этого чёртова стула и уйти. Никогда больше не показываться им на глаза... Но он почему-то остался сидеть на месте.

Тору Мотидзуки

Роль грозной и заботливой сестры Яреци чудо как шла, и в какой-то момент Тору сильно пожалел, что Кимико не спит, а на кухне болтается тело, увенчанное бестолковой головой, доставляющей своему хозяину немало проблем. Но, к его глубокому сожалению, как-то повлиять на ситуацию Тору не мог, и ему оставалось только терпеть и надеяться, что в скором времени вся эта ситуация рассосется сама собой, и он сможет насладиться всеми формами общения с женой, пока он снова не стал урабатываться до состояния, когда все его силы заканчивались где-то в районе кровати, на которой он мгновенно вырубался.

- Страшно - никуда не улетаю, - вся эта беготня по кругу успела Тору порядком надоесть. - А если уже решил - то переставай ныть. Или ты рассчитываешь, что мы тебе пузырек с лекарством от страха выдадим? Людям вообще часто приходится проходить в своей жизни через всевозможные испытания, но это не повод на каждом углу разводить сопли и надеяться, что кто-то тебя пожалеет. Или ты считаешь себя единственным страдальцем на всем белом свете? Да миллионам людей приходится хуже, но они ноют, а борются за то, что у них есть или может быть.

Характер его слов сильно расходился с его спокойным холодным голосом. Тору не видел смысла кричать на мальчишку, предпочитая просто выразить свое мнение, пусть оно могло и не понравиться главному герою сегодняшнего спектакля под название "Прощание".

Яреци Фернандез

- Идиот. Господи, какой же ты идиот, Маркус! - Покачала головой девушка и, недолго думая, залепила своему брату пощёчину. - Стань сильнее, смелее. Просто перестань трястись как маленькая девочка. У тебя есть шанс измениться, стать нормальным человеком. У тебя есть шанс попросить прощения. У тебя есть возможность отправиться на сафари в Африку, понаблюдать за настоящей жизнью диких животных. Да я бы на твоём месте, если бы мне это предложили, уже бы радовалась и с нетерпением ждала этой поездки. А ты вместо того, чтобы хоть что-то делать, сидишь здесь и ноешь, что такой несчастный и бедный. Я ненавижу тебя за это, Маркус.

Сказав эту пламенную речь, она вернулась за стол и продолжила пить чай. съела пару кусков мяса и глубоко вздохнула. А потом услышала топот, и на кухню пришла Кимико.

- Мама, пать, - сказала девочка, подбежав к ней и уткнувшись головой в колени. - Пать-пать.

До укладывания спать времени было ещё достаточно много, но Яреци посмотрела

на мужа. Если Тору не будет против встать завтра на пару или тройку часов раньше обычного, то она согласится уложить дочь спать и посвятить ему время. Ведь они так редко бывают вместе.

- Я тебе могу сложить мясо, съешь в комнате или на улице. Но сейчас извини, у нас с мужем более приятные заботы, нежели успокоение тебя. - Снова сказала она, поцеловав дочь в лоб и отправив её к папе. Встала со стула и положила в тарелку, которую было не жалко, мясо. Поставила перед братом и указала ему на дверь.

Маркус Агирре

Яреци дала ему пощёчину. Унизительную и какую-то болезненную. Маркус вздрогнул и закрыл глаза. Сестра, навеерное, была права, и ему надо просто радоваться тому, что он может куда-то поехать. Но ему было очень страшно, и будущее казалось ему очень туманным. А вдруг он не сможет примкнуть к стае? А вдруг его сразу съедят? Или вдруг с ним что-то случится?

Наа кухню прибежала Кимико, и Маркус встал из-за стола. Пошатнулся и мотнул головой, надеясь, что внезапно появившаяся слабость не станет преградой на его пути. Хотя он всё равно поедет туда. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в его горле, и он, поклонившись Тору и сестре, спешно покинул кухню, а вскоре и дом. Он не стал брать мясо, что приготовила ему сестра, по одной простой причине - он не заметил этого.

Выйдя из дома, он напрямик направился в свою комнату, чтобы там забыться коротким и спокойным сном.
